

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

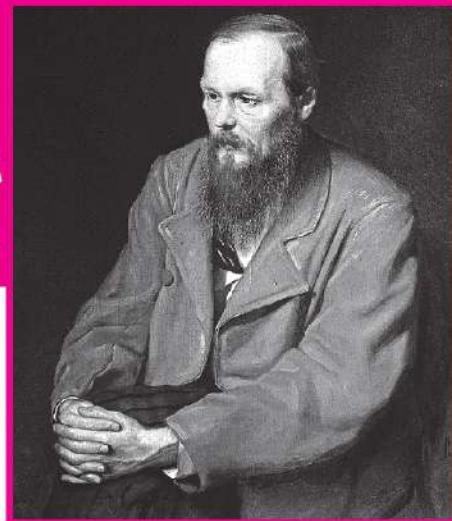
стр. 8-10

ДОСТОЕВСКИЙ – МИФЫ И ПРАВДА

стр. 14-16

НЕИЗВЕСТНОЕ ВОССТАНИЕ

№45 (74)
НОЯБРЬ 2021

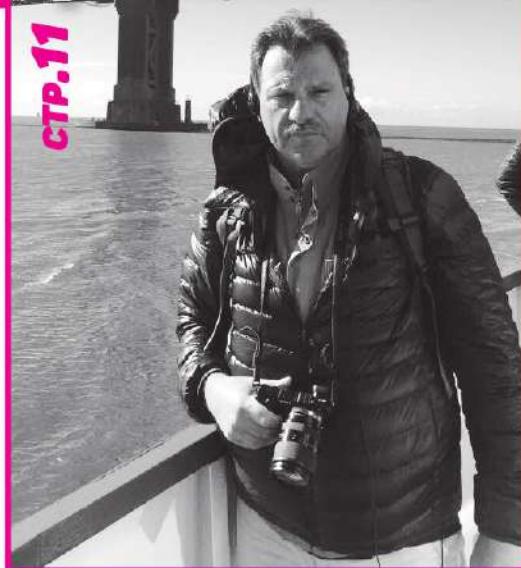

Гран-при Премии
«ПРОСТАКИ
ЗА ГРАНИЦЕЙ»
имени Марка Твена

«НЕЗРИМЫЙ БОЙ»
ЗВУЧИТ УЖЕ
ПОЛВЕКА

стр. 6-7

стр. 11

«НЕЗРИМЫЙ БОЙ» ЗВУЧИТ УЖЕ ПОЛВЕКА

Александр Галиас

В феврале 1971 года, по странному совпадению в День Святого Валентина — советские телезрители познакомились с тремя героями сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи», которых полюбили сразу и безоговорочно. А с ними — и песню, которой открылась каждая новая серия....

*Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет,
Значит с ними нам вести незримый бой,
Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дни и ночи....*

Эту песню помнят до сих пор. Никакие другие, посвященные правоохранителям, не смогли перебить ее популярность. Ее слова уже давно разошлись на цитаты и даже пародии. Особенно «попевло» в этом плане стrophe «Если кто-то кое-где у нас порой...». С другой стороны, еще Пушкин заметил, что «всякое сочинение, означенное успехом, подпадает под пародию».

Но многие ли помнят ее название, не говоря уже об авторах?! Между тем, до-

сточко буквально минуты путешествия по Интернету, чтобы выяснить, что «главный милиционер шлягер» называется «Незримый бой», а сочинили ее композитор Марк Минков и поэт Анатолий Гороков. О последнем я и хотел бы вспомнить по двум причинам. Во-первых, авторы стихов даже самых популярных песен чаще всего остаются в тени сочинителей музыки, что, в общем-то, не вполне справедливо. А во вторых, с Анатолием Сергеевичем мне довелось быть знакомым и знакомство это случилось при обстоятельствах достаточно забавных...

Весной 1985-го года мой давний товарищ Петр Дубинский, ныне один из ведущих цирковых импресарио мира, а в ту пору — главный режиссер Одесского цирка, готовил юбилейное представление к 40-летию Победы. Сообщив об этом, он мимоходом упомянул, что писать сценарий, а точнее, стихотворные связки между номерами, он пригласил Анатоля Горокова.

— Того самого? — спросил я. — Кортыч написал «Королеву красоты» и «Наша служба...»?

— Того самого! — подтвердил Петя. Как могла меня не заинтересовать эта новость, если еще в школьные годы я не

засыпал по воскресеньям, не дождавшись любимой радиопрограммы «После полуночи», в которой звучали все тогдашние советские шлягеры?! В этой передаче Анатолий Гороков был не только автором и ведущим, он еще и неизменно заключал ее песней в собственном исполнении, притом нередко — на собственные стихи. И нельзя сказать, что он «использовал служебное положение»: многие песни на его слова были в 1960-х очень модными: «Королева красоты» Арно Бабаджаняна вообще считается чуть ли не первым «официальным» советским твистом, а «Пингвины», «Эхо», «Хоровод», «Шахерезада» и другие исполнили Муслима Магомаев, квартет «Аккорд», Олег Анофриев и прочие тогдашние эстрадные «звезды».

Короче, я попросил товарища непременно познакомить меня с Гороковым.

Через какое-то время Петя сообщил, что искомый автор готов встретиться со мной в семь вечера в цирковой гостинице, которая возле Нового рынка, номер комнаты такой-то.

В назначенное время я стучался в двери указанного номера. Ни ответа — ни привета. После нескольких безуспешных попыток добиться отклика, я обнаружил, что дверь не заперта и слегка tolknuta ее. В комнате было темно.

— Кто там? — внезапно из темноты раздался сонный раздосадованный голос; стало очевидно, что своим появлением я кого-то разбудил.

— Мне нужен Анатолий Гороков!

— А вы кто?

— Я из газеты. Петя говорил вам обо мне.

После этих слов зажглась настольная лампа, и я понял, что попал не совсем «ко времени». Мой предполагаемый собеседник явно пребывал в состоянии, в описании которого я не берусь равняться с классиками русской, советской и мировой литературы. Тем не менее, внимание ему польстило, и Гороков снизился до диалога.

— А какие вы мои песни знаете?

Ха-ха, нашел кого спрашивать! Я тут же принялся цитировать: «По переулкам бродит лето...», «По вечерам на опушке...», «Вновь подшорох звездопада...».

— А «Мираж» вы знаете? — вопрос был явно из разряда «на засыпку».

И бывают же такие совпадения! Буквально за две недели до этой встречи на «развалке» я купил миньон (миниальную пластинку), на одной из сторон которой

был записан этот самый «Мираж» в исполнении Муслима Магомаева. Песня, кстати, весьма любопытна по замыслу («лирическим героем» в ней выступает... верблюд)...

— «И гонит нас погонщик наш в пески, в пески, в пески...», — не без гордости продемонстрировал я свои недюжинные знания.

И тут человек проснулся. И не только проснулся, но, кажется, даже слегка протрезвел. Такого знатока собственного творчества, да еще в провинции, он явно не ожидал встретить.

— Я тут с утра общался с местным населением, — объяснил он причину состояния, в котором пребывал. — Интересный у вас город!

Еще бы! В одесских «винарках» советских времен народ собирался и в самом деле интересный. Особенно для приезжих. Одессита, понятное дело, подобной «спецификой» удивить было невозможно, потому я решительно отверг предложение «классика» продолжить его знакомство с местными достопримечательностями — понятно какими. Меня все-таки интересовал он сам, ибо, зная песни на слова Анатолия Горокова, я мало что знал о самом авторе.

Из того, что я услышал в тот вечер, составилось следующее представление.

Анатолий Гороков оказался профессиональным певцом. Более того, выпускником Московской консерватории.Правда, своего профессора Анатолия Долива он ругал последними словами: дескать, тот испортил ему голос, а значит, оперную карьеру. Пришлось идти на эстраду, благо прорезался талант сочинителя стихов.

«Первой ласточкой» нового поэта-песенника, а заодно и его «визитной карточкой» на годы вперед стала упомянутая выше «Королева красоты». Музыку в ритме твиста сочинил Арно Бабаджанян, известный до того в основном, как автор «духоподъемных» песен типа «Рука дай, товарищ незнакомый, встань за мир плечом к плечу со мной...». Но после «Королевы...» Бабаджанян стал одним из главных советских «шлягерников» («Чертово колесо», «Свадьба», «Сердце на снегу» и прочая, прочая, прочая). Впрочем, надо сказать, что многие советские композиторы в 1960-х сумели «перестроиться» на модный лад, перейдя от «гимнов» к твистам, шейкам, леткам-энкам и прочим модным ритмам. Гороков же, что называется, «клепал» тексты. Особенно удачным был его тандем с композитором Виктором Купревичем, руководителем модного джаз-ансамбля «Балалайка». А поскольку Купревич являлся еще и главным музыкальным редактором очень модного журнала «Кругозор» (выпускался с гибкими пластинками), то песни со стихами Горокова и в его исполнении

быстро доходили до народа. А вскоре и сам Горюхов получил чудное для автора mestechko — редактора музыкальных программ Центрального радио. Вот тут он уже мог развернуться «на всю катушку» — и как автор, и как исполнитель. Чем набезуспешно (судя по популярности передачи «После полуночи») занимался.

Конечно, было у Горюхова немало звистников. А как иначе: от редактора на радио зависело в ту пору очень многое: он мог ставить или не ставить песню в программы, а ведь именно радио во времена, когда телевизоры были далеко не всем по карману, приносил исполнителям популярность. В связи с этим оставим нашего героя на один абзац в покое, поскольку — по случаю — вспомнилась одна давняя история.

Когда певица Наталья Рождественская (матеря великого дирижера Геннадия Рождественского) заканчивала консерваторию, была одна вакансия в Большой Театр. Но Наталья Петровну туда не взяли, дескать, «фактура не подошла», а взяли другую певицу, очень красивую внешне. Рождественскую же «распределили» солисткой на радио. Она страшно переживала: упустить шанс попасть в Большой Театр казалось трагедией. Но что получилось в результате? Поскольку голос Рождественской едва ли не каждый день звучал на весь Союз, она стала широко известной, а ее соперница-красавица так и осталась ни более чем солисткой Большого Театра... Вот как много значило радио в «дотелевизионные» времена!

Но вернемся к нашему герою. Я уже писал, что как редактор он нравился далеко не всем коллегам по песенному жанру. Например, очень модный в 1960-х певец Эмиль Горовец прямо утверждал, что на эмиграцию его толкнул никто иной, как Горюхов.

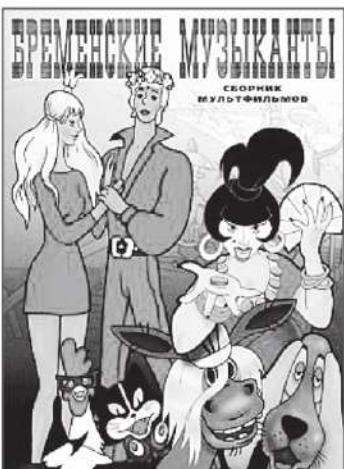
— Я записал песню «Дрозды» Владимира Шанинского, — рассказывал Горовец, — когда же исполнил ее для художественного совета, поднялся Анатолий Горюхов, он тогда был редактором на радио, и говорит: «А кто будет эту песню записывать на радио?» На него зашикали: «Ты же видишь, что композитор пришел с Эмилем, значит, он хочет, чтобы песню пел Эмиль». Горюхов тогда возмущенно спрашивал: «Вы хотите сказать, что русские «Дрозды» будет записывать Эмиль Горовец?»

Полагаю, что тут певец, что называется, перегнул палку. Трудно поверить в шовинизм А. Горюхова, если учесть, что он сотрудничал с армянином А. Бабаджаняном, белорусом В. Купревичем, русским Г. Гладковым, азербайджанцем М. Магомаевым — «детями разных народов». А свою самую знаменитую песню вообще создал с евреем Марком Минковым. Правда, на мою просьбу рассказать подробнее, как родился «Незримый бой», поэт пожал плечами:

— Дали мне ноты, рассказали, о чём пойдёт речь в сериале, но, и написал...

Более детально историю создания этой песни я узнал несколько лет спустя, из интервью композитора Марка Минкова, которому тоже следует уделять внимание в нашем рассказе.

У Минкова интересные «родовые корни»: его дед по материнской линии — купец первой гильдии, а по отцовской — пролетарий. Папа и мама в музыкальных привычностях замечены не были, но пианино сыну в пятилетнем возрасте купили, потому что кто-то из знакомых сказал, что у него есть музыкальные способности. Пианино было фабрики им. Молотова, почему впоследствии, в хрущевские времена, его окрестили «антипартийным». На нем Марик начал играть и даже что-то сочинять, в результате чего его отвели в музыкальную школу. Но мальчику скучно было играть гаммы и этюды, и он совсем уже собрался бросить занятия музыкой, да, к счастью, узнал, что в музыкальной школе при консерваторском училище есть отделение композиции. Ему повезло с педагогами: по фортепи-

ано Минков занимался в классе у замечательного пианиста и педагога Павла Мессенера, по композиции — у энциклопедически образованного Николая Сидельникова. А после окончания училища его взял в свой консерваторский класс сам Арам Хачатурян — классик советской музыки и превосходный педагог. Сочинять песни будущий автор шлягеров начал еще в училище. Он даже умудрился получить вторую премию на конкурсе патриотической песни «Нам нужен мир» (обладателем первой стала знаменитый Вано Мурадели). Но директор училища сказала новоиспеченному лауреату: «Или ты будешь заниматься делом, или этой ерундой, но тогда уже не в нашем училище». После такой от-

ды. Правда, после смерти министра Н. Щелокова «Незримый бой» заменили другой песней, которую сочинили композитор Давид Тухманов и поэт Леонид Дербенев. Песня получилась неплохая, с грозным приветом:

Он меня вовек не победит,
Не уйдет, пусть будет ночь
темным-темна...
Потому что он один, всегда один,
А со мною — вся моя страна...

Но она не прижилась в милиционской среде (сейчас, кажется, никто и не помнит, что звучало такое сочинение): сердца «стражей порядка» уже навсегда принадлежали сочинению Минкова и Горюхова...

Вторично с Анатолием Горюховым мы встретились уже на премьере циркового спектакля. Он рассказал мне еще не сколько забавных историй.

Все, конечно, помнят знаменитую мультилогию о приключениях «бременских музыкантов». Там есть сцена, когда перед дворцом Короля выступает «заезжая группа», и поет песни: «Мы к вам ехали на час...» и «Баю-байкашки-баю...». Так вот, предполагалось, что эти песни будет исполнять знаменитые «Песняры», но то ли режиссер, то ли композитор не нашли общий язык с В. Мулявиным и песни спел Горюхов с вокальным ансамблем. Также он стал первым вместе с Аидой Ведищевой исполнителем другого мультишедевра — «Чунга-чанга». А потом... Что-то не сложилось на радио, на эстраде появились новые «звезды», короче, ко времени нашего знакомства некогда весьма богатый человек, автор популярнейших песен, перешел в разряд литературных поденщиков, не пнувшись и заработка на цирковой ниве...

После встречи в Одессе долгое время об Анатолии Горюхове я ничего не слышал. Но вот летом 2001-го в «Московском комсомольце» появилась заметка, что поэт Анатолий Горюхов обратился в Останкинский межмуниципальный суд с иском к телекомпании ОРТ. Причиной иска стала показанная на канале ОРТ передача «Королева красоты», в которой дважды прозвучала песня с таким названием. Горюхов, не обнаруживший своего имени в титрах, потребовал от ОРТ выплатить ему компенсацию за нарушение авторских прав.

Еще через пять лет снова встретил информацию о своем давнем знакомом. 29 марта 2006-го года в московском Доме кино прошла церемония вручения премии «КиноВатсон». Этот проект придумала группа «Доктор Ватсон»; премию вручали за музыкальные заслуги в области кино. В том году среди прочих авторов заветную статуэтку вручили композитору Марку Минкову и поэту Анатолию Горюхову. И всем было совершенно очевидно, за какие именно заслуги получили эти авторы свою награду...

А вот в 2017 году поэта вниманием обошли. МВД Российской Федерации вручило свои премии деятелям культуры. Среди прочих отметили и Марка Минкова — за песню «Незримый бой». Наверное, автору слов было обидно, но с другой стороны, к тому времени композитора уже пять лет как не было на свете, а поэт жив и здравствует, чего мы ему желаем на долгие годы.

А «Незримый бой» со стихами поют по сей день и не только в постсоветских странах.

Как-то на одном из сайтов я обнаружил текст этой песни на двух языках — на русском и на иврите.

